

ленькая фигурка молящегося мужскому божеству (из почитаемой небесной пары; объект XXIV, помещение 2) размещена на коврике.

⁵⁸ В боевых и охотничьих сценах чаще все изображения профильные (см., например, рис. 7, 1).

⁵⁹ Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии. Государственный Русский музей. Л., 1927. Т. III. Вып. 2. Рис. 18.* Если следовать логике наблюдений, то здесь в сидящей за Умай фигуре нельзя видеть простого мальчика – перед нами также некий образ, если и не божественный (чему противоречит только отсутствие трехрогого убора), то приближенный к богам (богоизбранный), судя по вооружению, мужской персонаж. Уже предлагалось видеть в нем отпрыска Тенгри и Умай (*Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты... С. 133; ego же. Древних (орхонских) тюрок мифология. С. 537*), однако эту догадку нечем подкрепить.

⁶⁰ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. С. 188. Ныне подобные надписи обнаружены и на Алтае.

⁶¹ Борисов А.Я., Луконин В.Г. Указ. раб. С. 36, 37. О борьбе героев и богов за Хварену см.: *Тревер К.В., Луконин В.Г. Указ. раб. С. 152, прим. 118.*

⁶² Шкода В.Г. К вопросу о культовых сценах... Рис. 1, 4, 5, 9. В китайских летописях VII в. «Бейши» и «Суйшу» о правителе государства Босы (то есть Сасанидской державы) сказано: «Сидит на золотом престоле, представляющем барана» или «Сидит на золотом престоле, представляющем льва» (*Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 261, 288*).

⁶³ Массон В.М. Институт истории материальной культуры. Краткая история учреждения, научные достижения. СПб., 1997. Рис. 10.

⁶⁴ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973. С. 15–17; *Belenizki A.M. Op. cit. P. 56, 57.*

⁶⁵ Борисов А.Я., Луконин В.Г. Ук. раб. С. 33.

I.L. K y z l a s o v. Tengry and Umay Imprint on Sulek Rock

The author exposed and copied on Sulek rock painting (South Siberia, Republika Khakasia, the Hara-Üüs) the symbolic scene hadn't been oblivious earlier. He considers that it is the unique imprint of couple ancient Turk gods Tengry and Umay. The frontal unfolded horns of two rock sheeps – is the peculiarity which exposes Sasanid art influence. Their pair placing, poses, imitation of hair and some other features are the nearest of Iran goods of 6th–7th cc. The schematizm went on further in rock paintings. The scene is covered by other pictures and tamgaes of 9th–10th cc. Probably it was put on the rock in 8th c. The Sasanid is the imprint of the throne where God Tengry was sitting, his pose and his pair placing with Goddess Umay are look like Sogd gala and temple frescoes and comparable with the composition of Turk-Sogdian coins with Kagan and Katun who assimilated with Tengry and Umay. Three horns head-dress is iconography feature of ancient Turk gods and their priests images. Sulek scene was worshipped. It symbolizes the world structure: sheeps (the earth world) stand canonically as at the world tree instead of which there is a hippered roof with gods in the sky.

© 1998 г., ЭО, № 4

Г.Н. С и м а к о в

МАГИЯ ПЛОДРОДИЯ В КУЛЬТЕ ЛОВЧИХ ПТИЦ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

В данной статье рассматриваются пережитки магии возрождения природы, плодородия и плодovitости домашнего скота и человека, которые наряду с тотемизмом, астральными культами, анимистическими, шаманистскими представлениями, а позже и с мусульманскими идеями составляли некогда развитый синтетический культ хищных птиц вообще, а с возникновением соколиной охоты ловчих охотничьих птиц в частности. Пережитки этого культа достаточно отчетливо просматриваются и в современной охоте с ловчими птицами, причем идеи плодovitости домашних животных и человека в связи с ловчими птицами являются доминирующими.

В древнем культе хищных птиц, в том числе и ловчих, у народов Средней Азии и Казахстана в своеобразной, специфической форме нашли отражение и такие универсальные мотивы (отмеченные Л.Я. Штернбергом в связи с орлом у народов Сибири), как прямая связь хищных пернатых с процессами возрождения природы и, как следствие этого, с идеей их влияния на плодородие природы, плодовитость диких и домашних животных и самого человека¹.

Небезынтересны в этом отношении описания одного обычая у казахов в XIX в., связанного с весенним прилетом орлов, сделанные ученым-орнитологом В. Плотниковым по собственным наблюдениям в Павлодарском у. Семипалатинской обл. Одно из них касается орла белохвостого (*Aquila albicilla*. Briss): «Гнезда устраивает орел на лугу, на высоких тополях, эти гнезда известны все наперечет... Прилетает орел одним из первых птиц, а именно в конце марта. Киргизы (казахи. – Г.С.) чтут его прилет как вестника весны небольшой пирушкой, причем колется баран и внутренности его вешаются на сучок под гнездом орла. По прилете орлы располагаются на старых гнездах, которые держатся по многу лет; так, орел-белохвост, имеющий гнездо на урочище Чибулды, по словам киргиз-старожилов, посещает свое гнездо уже более 80 лет»².

Другое описание связано с Королевским орлом (*Aquila imperialis*. Bechst.), которого казахи называли кара-кус (по другим данным, кара-кус – это орел-могильник. – Г.С.). В описании говорится: «Киргизы им (кара-кусам. – Г.С.) ценности не придают и не охотятся с ними, но зато чтут их как первых вестников установившейся весны. Первый появившийся могильник вызывает радость киргиз, которые обыкновенно выражают ее тем, что в честь орла колют барана и едят его всем аулом. Убить близ гнезда могильника – это наверняка навлечет на себя со стороны населения аула крупное неудовольствие. Я знаю случай, когда дерево, на котором находилось гнездо каракуса, склонилось в воду и грозило падением; киргизы осторожно сняли гнездо и похоронили его, т.е. закопали в землю»³.

Из этих двух свидетельств очевидно следует, что религиозно-магические представления, связанные с орлом как вестником весны, возродителем природы, присущи и народам Средней Азии и Казахстана, причем в архаической примитивной форме, которая дожила до конца XIX – начала XX в. Кроме того, прилет орла, вестника весны и возродителя природы, сопровождался древним обрядом жертвоприношения божеству (заклание барана и совместная трапеза – трансформировавшееся жертвоприношение; вешание под гнездом орла на сучок дерева внутренностей жертвенного животного – жертвоприношение в его исконной, первобытной форме). Смысл обряда жертвоприношения, несомненно, заключался в испрашивании у орла-божества всяческого плодородия и плодовитости на новое время до отлета птицы в теплые края на зиму.

Культе орла как возродителя природы и вестника нового плодородного сезона продолжал тесно переплетаться с пережитками тотемистических представлений, в частности о запрете убийства орла вблизи гнезда, что по сути есть уступка тотемистическому принципу, согласно которому убийство тотема запрещалось и было греховным при любых обстоятельствах. О тотемизме напоминает, на наш взгляд, еще одна деталь из второго описания – зарывание в землю гнезда орла, находящегося под угрозой разрушения, т.е. похороны гнезда. Впрочем, в этом факте мы склонны видеть и магию плодородия, так как возникновение идеи плодородия могло быть генетически связано и с гнездом, и с процессом высидывания яиц, на что обращает внимание на примере финского эпоса «Калевала» Л.Я. Штернберг⁴.

В заключение сюжета обратим внимание читателя на то обстоятельство, что туркмены Красноводской обл. приурочивали выемку из гнезда птенцов сокола-балобана к тому времени, когда в песках начнет цвести растение, называемое по-туркменски юзерлык (гармала, или рута, – растение, используемое узбеками и туркменами с ритуальной целью; его дымом окуривают людей и скот, чтобы уберечь от всего плохого – сглаза, злых духов и т.п.)⁵. К этому моменту птенцы, по наблюдениям

туркмен, подрастают и готовы сами покинуть гнездо⁶. И в этой примете мы вновь видим, как в сознании человека соединились весна, цветение растения, наделяемого магическими свойствами, и ловчая птица.

Рассмотренные выше факты касались идеи плодородия и плодовитости в связи с весенним прилетом орла, что вызывало, по религиозным представлениям казахов, пробуждение и возрождение природы. Это явление универсальное, касающееся пробуждения и возрождения всего сущего – растительного, животного и человеческого мира. Однако есть возможность на основании среднеазиатских материалов выделить и верования, которые более конкретно трактуют различные аспекты культа плодородия и плодовитости. Эти верования издревле были связаны со сверхъестественной силой орла и других хищных птиц, в том числе ловчих. Мы имеем в виду прежде всего те сферы человеческой деятельности, на которые «вливали» хищные ловчие птицы, и культ, некогда с ними связанный.

Так, обращают на себя внимание некоторые обычаи, относящиеся к уходу за ловчими птицами в период их линьки, когда они в летнее время сбрасывают прошлогодние маховые и рулевые перья, и на месте сброшенных вырастают новые. Повсеместно в Средней Азии у оседлых и кочевых народов в этот период птицы содержатся в изолированном от людей и животных месте, и охота с ними не производится.

Описывая содержание ловчих птиц в указанное время узбекскими сокольниками, К. Ширинкин, в частности, пишет: «Для линяния птицы устраивается обыкновенно особое помещение “туллек хана” (туллек – линька ловчей птицы, хана – дом, помещение и т.п. – Г.С.), представляющее из себя род клетки с четырьмя решетчатыми стенками и крышею. В одной половине туллек ханы ставится чашка с водой для питья и купания, в другой засеивается ячмень. Птица охотно ложится грудью на молодой зеленый, расправляет, сушит крылья и клюет побеги ячменя. Пища в это время дается самая легкая: молодые воробьи, мелкие птички, моченая баранина»⁷. Аналогичные сведения относительно обустройства периода линьки ловчих птиц мы имеем и на юге Киргизии, в Ошской обл.: «Охотятся до весны. Затем птицу ставят на линьку (тулоо), на месте линьки засеивают ячмень – арпа. Птицу сажают в специальную деревянную клетку, расположенную в тенистом, тихом месте. Рядом ставят таз с водой. Следят, чтобы птица не сидела на сырой земле. Кормят бараниной, ибо от этого мяса (птица. – Г.С.) лучше, быстрее и эффективнее линяет»⁸. Подобную же картину мы наблюдаем во время содержания птицы на линьке у западных туркмен. У них, как и у южных киргизов, и узбеков, обязательны засеивание части площади садка для линьки ячменем и наличие воды, в которой птица может при желании искупаться⁹. У северных киргизов процесс линьки ловчих птиц характерен тем, что линяющую птицу по возможности располагали около проточной воды в тенистом и тихом месте и вместо ячменя в садок, как правило, клали куски свежескошенного дерна с молодой прорастающей травой¹⁰.

Во всех случаях прежде всего обращает на себя внимание то, что в садке для линьки обязательно высевается ячмень, молодые побеги которого якобы так любит ловчая птица. Можно отметить, что у каракалпаков, например, в садке для сбрасывающей оперенье ловчей птицы высевался не ячмень, а просо и джугара.

Данные информаторами объяснения необходимости высевания в садке ячменя, проса и т.п. касаются только практической пользы молодых побегов, необходимых для сбрасывающей перья птицы. Однако такое объяснение имеет явно позднее происхождение, когда был забыт ритуально-магический смысл выращивания злаков в садке. Бесспорно, что это действие имело не только и не столько практическое значение, сколько религиозно-культурное. Растущие перья ловчей птицы магическим путем обеспечивали плодородие зерновых, злаковых посевов на полях того или иного общественного объединения людей или хозяина ловчей птицы.

Неслучайным нам представляется и то, что ячмень в садок линяющей птицы высаживали или земледельцы (узбеки), или те кочевники, которые находились под длительным влиянием соседних земледельческих народов, – южные киргизы, туркмены.

Северные киргизы – чистые кочевники – вместо ячменя с той же ритуально-магической целью обеспечения плодородия пастбищ использовали куски свежескошенного дерна с молодой, подрастающей травой.

В более позднее время (но ранее чисто практического объяснения этого обычая) могло появиться иное, тоже магическое его истолкование: ростки молодого ячменя сверхъестественным путем способствуют успешному росту новых перьев у линяющей птицы, столь необходимых ей в новом охотничьем сезоне. Именно таковым нам представляется наиболее древний, ритуальный смысл наличия молодых побегов злаков и травы в садке у птицы, посаженной хозяином на линьку.

Данное предположение подтверждается и сведениями о такой яркой детали культа умирающих и воскресающих земледельческих божеств, как «сады Адониса». С ними связан ритуал ускоренного роста злаков, направленный на обильный и скорый рост посеянных в полях семян, который подробно описал Дж. Фрэйзер¹¹. Как указывал Г.П. Снесарев, «сады Адониса» были известны и в Средней Азии. Имеется в виду сообщение Бируни о ритуальном выращивании семи разновидностей злаков в Новый год; по тому, что выросло, судили о качестве злаков в данном году¹².

Кроме того, есть косвенные данные, свидетельствующие о том, что не только сам процесс отрастания новых перьев у ловчей птицы, но и сами перья магическим путем связаны с плодородием и плодовитостью. Л.Я. Штернберг пишет: «Культ орла сохранился в Индии и в Персии и в различных обрядах. В Индии перья орла служили для очищения жертвоприносителя, а в Персии разбрасывают по полям перья правого крыла орла для оплодотворения»¹³. Характерно, что разбрасываются на поля перья с правого крыла орла, так как правая сторона издревле у многих народов связана с идеей неба, с мужским оплодотворяющим началом. Однако не только перья птицы связаны с плодородием. Каракалпаки, например, «подвешивают высушенный трупик беркута в юрте, чтобы бесплодная женщина родила ребенка, или на шесте, посреди поля, чтобы обеспечить хороший урожай»¹⁴.

Во всех описаниях процесса линьки у ловчих птиц говорится о воде в садке (в тазу или в ином плоском и широком сосуде) или о воде проточной. Нет сомнения, что ловчей птице в болезненный для нее период линьки, который происходит в знойное летнее время, необходимо купаться в воде. Вместе с тем наличие в садке побегов злаков, молодой травы и воды неслучайно и с магической точки зрения, в особенности в условиях Средней Азии и Казахстана. Плодородие пастбищ и пахотной земли там обусловлено наличием или отсутствием оросительной или дождевой воды.

Молодые побеги, растущие новые перья ловчей птицы и вода, на наш взгляд, не случайная комбинация. Только их сочетание в свете изложенного выше представляется в сознании примитивного человека в полной мере магическим гарантом всяческого плодородия и плодовитости. В подтверждение высказанного суждения приведем пример из статьи В.Н. Басилова, посвященной культу Буркут-баба (орла-беркута в образе святого старца Буркута у юго-западных туркмен). Автор характеризует Буркут-бабу как покровителя (пира) и хозяина дождя (по нашему мнению, и водной стихии в целом). «Буркут-баба, – пишет В.Н. Басилов, – посылает облака куда-нибудь. Облака не хотят. Тогда он их бьет кнутом. След кнута – молния. Их крики, стоны – гром»¹⁵.

В.Н. Басилов приводит сведения о многотрудном руководстве Буркут-бабой облаками и дождем и о непростоном характере святого старца. В статье этого автора со всей очевидностью прослеживается характерная для религиозных представлений многих народов мира связь между плодородием и орлом-беркутом. В условиях Средней Азии, в частности у живущих в безводной пустыне туркмен, орел-беркут (в очеловеченном виде) выступает как повелитель, хранитель, даритель столь необходимого для скотоводства и земледелия дождя.

Из статьи В.Н. Басилова следует, что хищные птицы, в том числе ловчие, влияли на плодовитость и материальный достаток человека. Эта мысль находит подтверждение в этнографических и фольклорных материалах народов Средней Азии и Казах-

стана и других близких им по историческим судьбам народов. Так, говоря о традиции предсвадебных отношений между девушкой и юношей у турок, В.А. Гордлевский пишет: «Весь интерес к женщине сохраняется только пока она остается девушкой, песнь изображает зарождение любви между девушкой и парнем в виде борьбы между двумя птицами. Девушка – куропатка, тревожно убегающая от наступающего ее сокола. Но эта борьба бесполезна, так как он поздно или рано достигнет ее». Этот мотив, по словам автора, широко распространен не только у турецких народов, но и у славянских, и представляет собой песенную обработку сказок типа о «хитрой науке»¹⁶. В другой своей работе, указывая на наличие в турецком фольклоре связи между упомянутыми образами и соколиной охотой, автор пишет: «Насколько охота эта была распространена и в Малой Азии, показывают поэтические образцы в турецких народных песнях (записанных Ф. Гизе) – зарождение любви между парнем и девушкой рисуется в виде борьбы между двумя птицами (куропаткой и соколом)»¹⁷.

Аналогичные мотивы записаны и С.Е. Маловым от уйгуров Синьцзяна: «Сегодня ночью нет рассвета. Воскресение (мертвых) это – как бы ночное свидание. В этой верхней комнате мы ночевали. (Я была), как маленькая пичужка, терзаемая соколом!»¹⁸. Или такое четверостишие: «Перед молодой быть мне соловьем?! Ночевать бы мне в ее руках. Быть бы мне кобчиком?!» (курғуі – ястреб-перепелятник. – Г.С.)¹⁹. В последнем случае юноша как бы сомневается в том, как ему вести себя с возлюбленной: быть соловьем или кобчиком, т.е. обречь себя на платонические отношения или быть более решительным в своем поведении. И, наконец, отрывок из стихотворения классика казахской литературы А. Кунанбаева «Охота с беркутом»: «Мир прекрасен, как женщина у водоема, когда, / Собираясь купаться, она опускает покров, – / Блещет тело нагое, но скован румянец лица / Смоляными кудрями, как звеньями черных оков. / И подобно тому, как невесту жених познает, / Опрокинув на спину, среди многоцветных ковров, / Мнет лисицу беркут, сладострастно когтя под собой. / Словно жаркое тело подруги любовных пиров»²⁰. В этом столь красноречивом в свете рассматриваемого сюжета отрывке в отличие от приведенных выше возлюбленный (жених) является в образе беркута, а возлюбленная (невеста) – в образе жертвы орла лисицы. Но любовная магия, магия плодovitости в связи с хищными птицами и их добычей представлена в значительной мере в традиционных стихах А. Кунанбаева не менее отчетливо и откровенно, чем в цитированных образцах из турецкого и уйгурского фольклора. Интересно, что в жаркую погоду травля добычи ловчими птицами в Средней Азии и Казахстане, по традиции, осуществляется ранним утром или под вечер. «В Туркестане, – сообщает М.А. Айтбаев, – сокольники эти вечерние часы, более благоприятные для охоты, называют "время страсти"»²¹.

Заметим, что так называются не утренние часы охоты, которые могут быть не менее успешными, а вечерние. Так что речь в данном случае идет, на наш взгляд, не только об охотничьей, но и о любовной страсти, хотя этот смысл скорее всего не осознавался и был забыт сокольниками в XIX–XX вв.

Образ ловчих птиц как символ любовных отношений и плодovitости так или иначе представлен в эпосе, народных сказках и других фольклорных жанрах народов рассматриваемого региона. Примером может служить зачин из волшебной сказки казахов «Кран-каракши» («Хваткая ловчая птица-разбойник»): «Жил один бай; у него были сын и дочь. Сын занимался охотой. Однажды его беркут упал на одну лисицу; когда он подошел, то увидел, что беркут одной лапой держит лисицу, а другой ухватился за камень. На камне он увидел изображение девицы и влюбился в нее. Пришел домой и стал горевать, заболел и перестал говорить с людьми. Тогда призвали его друга; думали, не заговорит ли он с ним. Он сказал своему другу свою тайну. Тогда они двое отправились искать девицу...»²².

Далее в сказке следует череда невероятных приключений, пройдя через которые, молодые люди – хозяин беркута и девушка – обретают друг друга. Подчеркиваем, что в завязке любовной истории, которая заканчивается браком, вновь является ловчая птица. Важно отметить и то, что преодолевать трудности парню и его другу помогал

обладавший сверхъестественными способностями персонаж по имени Кран (*кран*, *кыран*, *кыраан* на языке киргизских и казахских сокольников – хваткая, добычливая ловчая птица).

Все приведенные выше примеры касались в основном любовной завязки, любви, любовных отношений в предбрачный, предсвадебный период. Однако образ ловчих (хищных) птиц в том или ином виде присутствовал и в свадебных процедурах, например во время сватовства. Так, Н.И. Гродеков приводит в своей книге следующий факт: «Яучи [сват] заводит речь так: "У вас есть сокол, у нас есть кречет" (сизде лашин бар икен, бизде сункар бар икен). Торгуются о количестве калыма. [Первое посещение родителей невесты]»²³. Что касается самого калыма и его величины, то у М.А. Айтбаева относительно киргизов Прииссыккулья читаем: «...Ловчие птицы в качестве ценных подарков фигурировали также при заключении мира во время междоусобных войн, а также *в уплате калыма за невесту* (курсив наш. – Г.С.), заменяя иногда несколько десятков, даже сотен голов скота»²⁴. В свете религиозно-магических свойств ловчих (хищных) птиц присутствие названий сокола и кречета в формуле, которую произносит сват при первом посещении родителей невесты у казахов, а также традиция включать ловчих птиц в состав калыма у киргизов нам представляются неслучайными. В этих фактах мы видим конкретизацию древней, некогда универсальной идеи плодородия в социальной, экономической жизни и идеологии кочевых обществ Средней Азии и Казахстана. Аналогичные мотивы имеются и в эпосе народов данного региона.

Хищные (ловчие) птицы как патроны плодovitости не покидают и супругов. Например, Р. Каруц приводит такое поверье казахов Мангышлака: «...Кто во сне увидит птицу, которая ест других, женится или будет иметь детей»²⁵. Это древнее поверье часто встречается и в эпических произведениях кочевников Средней Азии и Казахстана, в особенности в эпизодах, предшествующих рождению героя.

Характерен в этом смысле один из малых эпосов казахов «Шура батыр», который записал и опубликовал А.А. Диваев (он в подзаголовке называет этот эпос былинной). Текст, который мы будем рассматривать, касается момента зачатия выдающегося человека под чудесным воздействием хищной мифической птицы Бидаюк (транскрипция А.А. Диваева. – Г.С.). У казахов и киргизов она считалась самой лучшей ловчей птицей, ибо ей было по силам поймать любую добычу («Она берет все!» – говорили нам информаторы.)

Немолодые и бездетные Нарикбай и Гульханис – будущие родители славного богатыря Шура – на могиле мусульманского святого Бабай-тукты принесли в жертву ягненка и молили о ниспослании им долгожданного ребенка. «Следуя вместе, Нарикбай и Гульханис подошли к огромному роднику, здесь учинили омовение и совершили полуденный намаз. Родник этот превосходил красотой многие родники, созданные богом. На нем плавала масса лебедей и гусей. Завидев их, Нарикбай и Гульханис почувствовали страшный голод. – О, создатель! Где уж нам воспользоваться этими лебедями и гусями. У нас нет ни ружья, ни ловчей птицы, – думали супруги.

В этом время на горизонте показалась птица «Бидаюк». [Бидаюк, если не ошибаемся, кречет. – А.Д.]. Лебеди всполошились, один лебедь поднялся, но был сшиблен этим хищником и упал на землю, а затем и остальные лебеди подверглись той же участи.

– Это первые признаки предзнаменования лучшего, ибо мы удостоились видеть победоносную птицу. Если будет угодно Вседержителю, то сын наш будет Сахиб-Кыраном [титул, который удостоился получить только Тамерлан. Сахиб-Кыран значит рожденный под счастливым сочетанием планет (Венеры и Солнца), счастливейший герой века. – А.Д.] и, наподобие «бидаюка», уничтожит своих врагов айрактинцев и отомстит Али-бию, сказала Гульханис Нарикбаю. Нам нужно остаться на этом роднике на неделю, чтобы вознести усердные молитвы нашему Творцу, – продолжила Гульханис, – да кстати и отдохнуть. Благо милосердный Господь Сам позаботился о нас; посмотри, какая куча у нас лебедей. Так прошло несколько дней, и уже супруги восстановили свои силы. Нужно сказать, что Нарикбай и Гульханис, при

всем желанием иметь детей, в течение шести лет не имели между собой супружеских сношений. Теперь они были влюблены друг в друга; страсть закипела в них, как у 18-летней девушки и 25-летнего молодца, и они поспешили насладиться супружескими объятиями. Вскоре после этого Гульханис почувствовала беременность»²⁶.

Данный эпизод в основе своей древний и традиционный для фольклора и воззрений кочевых народов региона. Он трактует вещую встречу с мифической ловчей птицей (в более позднее время и вплоть до наших дней сокольники представляют ее себе в виде сокола-кречета, белого ястреба-тетеревятника и даже беркута) не как сновидение, а как реальное событие, происшедшее с будущими родителями славного Шура батыра. Но в соответствии с религиозно-магическими представлениями о ловчих птицах эта встреча была равноценна сновидению будущих родителей героя киргизского эпоса. Вместе с тем в эпохе «Шура батыр» говорится и о реальном любовном акте, и о чудесном зачатии ребенка у бездетных престарелых родителей по воле мифической птицы биданок.

Ловчие птицы, как выясняется из этнографических источников XIX–XX вв. и наших полевых материалов, оставались «активными» и при родах, и в момент появления нового человека на свет. Мы имеем в виду приводимый в литературе о казахах и киргизах факт, согласно которому к роженице, мучавшейся тяжелыми родами из-за вмешательства зловредного демона *албарсты* (у киргизов) или *албасты* (у казахов), приносили ловчего беркута. Упомянутый демон якобы боялся взгляда этой птицы. Присутствие сильной ловчей птицы облегчало роды.

Говоря о ловчих птицах и их влиянии на плодovitость человека, отметим следующее: юго-западные туркмены убеждены, что если тень летящего орла-могильника (*кара-куша*) упадет на женщину, это верный знак того, что она не сможет рожать детей. Для того чтобы избежать этого, следует держать взрослую птицу (или птенца кара-куша) дома живой или в виде чучела. Таким образом женщина может избавиться от вредоносного влияния тени птицы.

Взрослую птицу можно убить из ружья, а поймать – с помощью сети или капкана. Птенца же просто достают из гнезда и содержат в домашних условиях, с тем чтобы затем или оставить в живых или сделать из него чучело. Живого орла-могильника или его чучело держали в доме и тогда, когда женщина рожала детей, но они умирали в младенчестве.

И в первом, и во втором случае орел-могильник, как беркут у казахов и киргизов, противостоит зловредному демону, который вселяется в женщин и мешае им рожать детей. Птицу кара-куш туркмены считают священной (*керематлы*). Ей приписываются и другие религиозно-магические функции²⁷. Душевное и физическое здоровье уже родившихся детей призваны оберегать те же ловчие (хищные) птицы. Мы имеем в виду обычай, упоминаемый в литературе и зафиксированный нами в ходе полевых исследований у казахов, киргизов и туркмен, вешать на колыбель новорожденному лапу с когтями беркута или орла-могильника (у туркмен). Часто с этой целью используются перья филина. Подобные меры призваны магическим путем обеспечить младенцу здоровье и оберечь его от дурного глаза.

Ту же самую идею можно усмотреть и в том, что, делясь добычей со встречными людьми, сокольники обязаны соблюдать установленные традицией приоритеты. Из числа встретившихся первой имеет право получить долю девица, вторым – султан, третьим – аксакал, далее – по старшинству лет²⁸. В этом народном обычае обращает на себя внимание тот факт, что в условиях патриархального общества первой право на добычу имеет девушка, а потом уже султан и аксакалы. В этом правиле мы склонны также видеть следы магии плодovitости и отзвуки древних мифов о том, что великие люди, шаманы и рядовые члены рода произошли от сожительства земной женщины и божественной хищной птицы.

В связи со сказанным, по-видимому, следует обратить внимание на то, что в Средней Азии и Казахстане во время соколиной охоты повсеместно использовались самки хищных птиц. Они намного крупнее самцов, смелее и темпераментнее в охоте,

хотя самцы, как правило, превосходят их в скорости полета (по данным информаторов-сокольников). Игнорирование самцов хищных птиц в качестве ловчих, на наш взгляд, порой не оправдано с практической точки зрения. Использование же самок обусловлено древней традицией. Она связана с культом хищных птиц, в первую очередь орла, как творцов всего сущего, как патронов возрождения природы, всяческого плодородия и плодовитости. Олицетворением всего этого были прежде всего несущие и высиживающие яйца самки.

На эту же мысль наводят некоторые материалы, относящиеся к высиживанию птенцов, гнезду и птенцам ловчих птиц. Так, согласно легенде, Тохтамыш обладал бесценной парой соколов – самцом и самкой, которые давали продолжение славной породе, высиживая яйца и выкармливая птенцов. Враг Тохтамыша – всесильный Тамерлан – послал своих людей с целью завладеть кладкой яиц бесценных соколов, чтобы иметь таких же птиц у себя²⁹. Есть подобные сведения отнюдь не легендарного характера, которые дают следующую информацию о практике туркменских сокольников: «Шанияз, охотник из Дарвазы, сообщил нам, что изредка берут также яйца из гнезда (в третьей декаде марта), яйцо заворачивается в верблюжью шерсть, а затем в большой платок (служащий туркменам обычно в качестве пояса) и завязывают в пояс ("искусственная инкубация"). Однако, как нам кажется, достоверность этих сведений требует еще подтверждения»³⁰.

Оба сообщения поднимают один важный практический вопрос: умели ли сокольники Средней Азии и Казахстана некогда разводить ловчих птиц в неволе? (Современная наука смогла решить эту трудную задачу лишь в нашем столетии.) Ответ на этот вопрос остается открытым. Нас же в данный момент больше интересует тот факт, что и в легенде, и в сообщениях информаторов в ходе полевых исследований особое внимание уделяется кладке яиц ловчих птиц. Подобный интерес к гнезду и к кладке яиц был характерен для верований не только туркмен, но и киргизов. Так, Б. Гиммер, проводивший в 1930-е годы этнографические исследования в Киргизии, пишет: «У киргизов есть поверье, что орлиха кладет одно большое яйцо, из которого вылупляются два птенца – самец и самка»³¹.

Что касается казахов, то и в наши дни их сокольники проявляют интерес к гнездам хищных птиц. У них также имеются определенные, хотя и мифологизированные знания о процессе откладывания яиц самками беркута. Объясняя происхождение термина *ана* (мать), которым называют беркута в возрасте 4 лет, казахские беркутчи говорят следующее: «Четвертый год для самки беркута – год ухода, заботы, год размножения, первородства, откладывания яиц, год – "аналык" (материнства). Из чего следует, что беркут только на четвертом году откладывает яйца и выводит птенцов»³².

Нас в данном случае не интересует, насколько достоверны эти утверждения. Более важен интерес к яйцам хищных птиц и к процессу их откладывания и высиживания. На вопрос, какого пола птенцов следует брать из гнезда (это один из распространенных способов добычи хищных птиц для воспитания из них охотников), ответ сокольников (у каракалпаков, туркмен, казахов и киргизов) везде был один и тот же: из гнезда берут прежде всего птенцов самок. Они отличаются большей силой и размерами, нежели птенцы мужского пола.

У казахских сокольников была даже своя теория на этот счет: «Когда в гнезде два птенца, один называется "темир канат" (букв. железные перья или железные крылья. – Г.С.), другой – "ак урпек" (букв. белый взъерошенный. – Г.С.). Первым вылупляется темир канат, вторым соответственно – ак урпек, ибо яйца откладываются по очереди через некоторое время и, следовательно, и птенцы появляются неодновременно. Но брать, безусловно следует ак урпек (самку)»³³. Это предпочтение, как уже говорилось, соблюдается и в практике соколиной охоты у других кочевников. То же наблюдается и у оседлых сокольников. Например, К. Ширинкин пишет о соколах, которых разводили узбеки: «Лачин-чипак и бахрин-чипак – самцы лачина и бахрина (виды соколов. – Г.С.), хотя многие туземцы считают этих птиц за особый вид. Ростом менее самки. Туземцы недолюбливают этих чипаков и дрес-

сируют их редко. Полет их, равно как и самок, превосходный. Бьют добычу, поднимаясь кругами вверх и низвергаясь оттуда (haut vol)»³⁴.

Теперь перейдем к правилам изъятия птенцов из гнезда. На вопрос, сколько птенцов можно брать из гнезда, мы получили следующие ответы: 1) в гнезде обязательно оставляют одного самого маленького птенца, ибо гнездо нельзя оставлять пустым; 2) оставить следует одного птенца, чтобы родители не печалились; 3) необходимо оставить одного птенца, чтобы мать не переживала и не искала своих детей; 4) из одного или нескольких гнезд брали столько птенцов, сколько необходимо было для охоты; лишних не брали (для продажи, дарения или на всякий случай); 5) из гнезда брали всех птенцов (современное правило)³⁵.

У киргизов и казахов-адаевцев существовало правило относительно одного-единственного птенца в гнезде: его обязательно следовало забрать. Единственный птенец непременно будет смелым, сильным и хватким охотником. Эта мотивация касается исключительного случая, когда речь идет об одном птенце в гнезде. В целом же она не противоречит правилу не оставлять гнездо пустым³⁶. Это отмечалось М.А. Айтбаевым и в отношении киргизов³⁷.

Итак, на наш взгляд, пристальный интерес к несению хищными птицами яиц и высиживанию птенцов, мифологизация этого события, установка на изымание из гнезда прежде всего самок и предпочтение использования их в охоте (хотя как ловчие птицы самцы могут быть также полезны) и, наконец, преобладающее правило, согласно которому гнездо нельзя оставлять пустым, – все это свидетельствует о магии плодородия и плодовитости. Эта магия выражается, в частности, в заботе о размножении хищных птиц, о продолжении их рода, что в свою очередь должно способствовать и плодородию в природе – плодовитости скота и самого человека, обилию хлебных злаков.

Рассмотренные материалы свидетельствуют, по нашему мнению, о весьма древних правилах и верованиях, которые подводят нас к первоисточкам возникновения магии плодородия и плодовитости в связи с хищными птицами. Убедительные примеры этого в обычаях разных народов мира можно найти и в упоминавшейся работе Л.Я. Штернберга.

Небезынтересны в этом отношении и материалы, приводимые А.П. Окладниковым в статье, посвященной образцу птицы в искусстве бронзового века Забайкалья. Автор прослеживает традицию изображения хищной птицы (скорее всего сокола, а может быть и орла) от наскальных рисунков до образцов орнамента с тем же мотивом в прикладном искусстве современных бурят. На наскальных рисунках изображены парящая в небе хищная птица и кладки ее яиц³⁸. Подобное сочетание вновь наводит нас на мысль о связи многих современных обычаев и верований, относящихся к ловчим птицам, с теми идеями, которые были рождены в глубокой древности. В первую очередь это идея плодородия и плодовитости.

Таким образом, на этнографических материалах XIX–XX вв. мы имели возможность достаточно обстоятельно рассмотреть религиозно-магические представления, связанные с плодородием и плодовитостью в их древнем, может быть первоначальном виде (орел как вестник весны и возродитель плодоносящих сил природы). Одновременно мы проследили их эволюцию, в процессе которой всеобщая, универсальная идея была конкретизирована: плодородие пахотной земли, плодовитость скота, способность к деторождению и продолжению рода у человеческого коллектива и отдельных его представителей. Последнее преобладает в верованиях и обрядах народов Средней Азии в наши дни.

Примечания

¹ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 110–143.

² Плотников В. Орнитологический очерк Чиликтинской долины и прилегающего Тарбагатая (Семипалатинская область Зайсанский уезд) // Зап. Западно-Сибирского отдела Имп. Русского геогр. о-ва. Кн. XV. Вып. III. Омск, 1836. С. 1.

- ³ Там же.
- ⁴ Штернберг Л.Я. Указ. раб. С. 114.
- ⁵ Демидов С.М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. VI. Ашхабад, 1962. С. 199; *его же*. О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965. С. 169.
- ⁶ Полевые материалы автора. Красноводская обл. 1982 г.
- ⁷ Ширинкин К. Ловчие птицы Туркестана // Природа и охота. 1890. Июнь. С. 77.
- ⁸ Полевые материалы автора. Ошская обл. 1976 г.
- ⁹ Полевые материалы автора. Красноводская обл. 1982 г.
- ¹⁰ Полевые материалы автора. Нарынская и Иссык-Кульская области. 1973 г.
- ¹¹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 380 и др.
- ¹² Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 214 и др.
- ¹³ Штернберг Л.Я. Указ. раб. С. 116.
- ¹⁴ Басилов В.Н. О туркменском «пире» дождя Буркут-Баба // Сов. этнография. 1963. № 3. С. 47.
- ¹⁵ Там же. С. 43.
- ¹⁶ Гордлевский В.А. Из наблюдений над турецкой песней // Этнограф. обозрение. 1909. Кн. 79. С. 90.
- ¹⁷ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 82.
- ¹⁸ Малов С.Е. Уйгурские наречия Синцзяна. М., 1961. С. 40.
- ¹⁹ Там же. С. 35.
- ²⁰ Кунанбаев А. Лирика. Поэмы. 1940. С. 35.
- ²¹ Дементьев Г.П. Охота с ловчими птицами. М., 1935. С. 86.
- ²² Потанин Г.Н. Казахский фольклор в собраниях Г.Н. Потанина. М., 1972. С. 135.
- ²³ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ч. I. Юридический быт. Ташкент, 1899. С. 58.
- ²⁴ Айтбаев М.А. Очерк охоты у киргизов в XIX – начале XX в. // Тр. Ин-та истории АН Киргизской ССР. Вып. V. Фрунзе, 1969. С. 99.
- ²⁵ Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 133.
- ²⁶ Диваев А.А. Этнографические материалы. Вып. IX. 1903. С. 25–27.
- ²⁷ Полевые материалы автора. Красноводская обл. 1982 г.
- ²⁸ Мякутин А.И. Юридический быт киргизов. Оренбург, 1919. С. 47.
- ²⁹ Диваев А.А. Указ. раб. С. 16–17.
- ³⁰ Рустамов А.К. О соколиной охоте в Кара-Кумах // Изв. Туркменского филиала АН СССР. 1950. № 4. С. 57.
- ³¹ Гиммер Б. Беркуты: их выращивание и охота с ними // Охотник. 1925. № 3. С. 12.
- ³² Бабалык улы Ж., Турдыбаев А. Указ. раб. С. 81.
- ³³ Там же. С. 68.
- ³⁴ Ширинкин К. Указ. раб. С. 71.
- ³⁵ Полевые материалы автора. Красноводская и Мангышлакская области. 1982 г.
- ³⁶ Полевые материалы автора. Мангышлакская обл. 1982 г., Иссык-Кульская обл., 1980 г.
- ³⁷ Айтбаев М.А. Указ. раб. С. 74.
- ³⁸ Окладников А.П. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // Сов. этнография. 1951. № 1. С. 150–153.

G.N. S i m a k o v. Fertility Magi in Hunting Birds Cult in Central Asia and Kazakhstan

The article considers the magic survivals of nature revival, fertility and domestic cattle and human fecundity. As totemism, astral cults, animistic and shaman imagines they were developed synthetic cult of bird of prey in the whole and (when the falconry appeared) of hunting birds in particular.

According to the author the survivals of this cult are well displayed in the modern hunting with birds.